

**Крымское ханство и Польша-Литва.
Международная дипломатия на европейской
периферии (XV–XVIII века).
Исследование мирных договоров
с последующими аннотированными
документами. Османская империя
и ее наследие (4)***

Дариуш Колодзейчик

Аннотация. В пятой главе части 2 книги *«Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие»* в подтеме *«Стандартная миротворческая процедура и дипломатический церемониал»* (стр. 470–493) обсуждаются общепринятые процедуры миротворчества и дипломатический церемониал, традиционные при дворе Крымского ханства и соблюдаемые при проведении торжественных мероприятий. Также детально описываются официальные аспекты переговоров, включая ритуалы и символику, сопровождавшие процесс миротворчества. Подтема *«Миротворческие процедуры вне зала аудиенций»* (стр. 493–495) акцентирует внимание на процедурах миротворчества, проводимых вне зала аудиенций. В ней рассматриваются неформальные встречи и переговоры королевских особ с крымскими ханами и представителями высшей знати, а также роль личных контактов и неформальных договоренностей в процессе миротворчества.

Ключевые слова: Крымское ханство, Польша-Литва, миротворчество, дипломатическая церемония, неформальные переговоры, зал аудиенций, ритуалы, символика

---

* Продолжение. Начало см.: Колодзейчик Д. Крымское ханство и Польша-Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие (1–3) / Пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 168–213. DOI: 10.22378/kio.2024.2.168-213; 2025. Т. 12, №1. С. 185–207. DOI: 10.22378/kio.2025.1.185-207; 2025. Т. 12, № 2. С. 184–214. DOI: 10.22378/kio.2025.2.184-214

Для цитирования: Колодзейчик Д. Крымское ханство и Польша–Литва. Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с последующими аннотированными документами. Османская империя и ее наследие (4) / Пер. с англ. Сейтхалиловой Л., Алиевой А. // Крымское историческое обозрение. 2025. Т. 12, № 3. С. 167–196. DOI: 10.22378/kio.2025.3.167-196

ЧАСТЬ 2

ИССЛЕДОВАНИЕ КРЫМСКОЙ И ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Глава пятая

Порядок миротворчества

Стандартная миротворческая процедура и дипломатический церемониал

При изучении крымских документов и дипломатического церемониала часто встречаются формы, которые кажутся анахроничными, излишними или бессмысленными, например, скрепление документа печатью давно умершего, бывшего хана (1514 г.), переиздание документа предшественника хана без изменения его заголовка (1532 г.), неоднократная фиктивная передача в дар земель, которые на самом деле не принадлежали ни отправителю, ни адресату (до 1560 г.), и, что наиболее было распространено, упоминание о древней дружбе, якобы царившей во времена предшественников двух правителей. Тем не менее, мы должны иметь в виду, что термин «древний» обычно имел положительный оттенок в обществах раннего Нового времени, поэтому обращение к «древним» документам и подчинение «древним» обычаям было одновременно ожидаемым и ценным, несмотря на тот факт, что термин «древний» иногда имел под собой новое политическое содержание¹. Даже в настоящее время протоколы и церемониалы, уходящие корнями в далекое и «анахроничное» прошлое, все еще имеют важное значение в дипломатии².

---

¹ См. пояснительные замечания Михаила Крома (Mikhail Krom) по русско-русинскому термину *старина* (“*antiquity*”), который для современников олицетворял идеализированный в прошлом закон, порядок и добрую жизнь предков; зная ожидания своих подданных, литовские и московские правители часто заявляли, что будут следовать древним обычаям и не будут вводить никаких новшеств; *там же*, *Меж Русью и Литвой* (*Mež Rus’ju i Litvoj*), с. 38–39 и 169.

² См. замечания Григория Розена (*в том же роде*), «Ранний современный дипломатический церемониал: системный подход», с. 456 (Cf. the remarks of Roosen in idem, “Early Modern Diplomatic Ceremonial: A Systems Approach”, p. 456).

Хотя основное внимание уделяется процедурам и церемониалам, характерным для дипломатических обменов между Крымским ханством и Польшей-Литвой, многочисленные аналогии из крымско-московских отношений, содержащиеся среди обширнейшего архивного материала, оставленного московскими чиновниками, позволяют провести исторические параллели и дополнить сведения ценными подробностями. Дипломатическая церемония при ханском дворе описана во многих отчетах московских посланников, отправленных в Крым, а процесс переговоров, проходивший в Москве между татарскими и русскими участниками, фиксировался московскими канцелярскими чиновниками.

С официальной точки зрения Крыма, именно иностранный правитель – неверный, должен был инициировать дипломатический обмен и ходатайствовать о выдаче ханского документа (особенно *yarliq*), предлагая взамен своевременную выплату дани. Тем не менее, из прагматических соображений зачастую именно хан инициировал переписку, например, уведомляя о своем восшествии на престол или справляясь о здоровье иностранного правителя и напоминая о древней дружбе. Во времена Ивана IV московская дипломатия не оставляла попыток изменить процедуру и добиться того, чтобы хан сделал первый шаг, отправил бы свое великое посольство и молил бы о мире, а царь щедро удовлетворил бы его просьбу. Однако в 1577 г., ввязавшись в очередную кампанию против Польши и Литвы, Москва была вынуждена сдаться из-за необходимости обеспечения безопасности своих южных границ³. На самом деле, с посланниками и курьерами, часто курсировавшими между дворами, было довольно легко утверждать, что мирные переговоры были инициированы другой стороной⁴. Описание стандартной процедуры заключения мира содержится в письме 1532 года, отправленного Сигизмундом I Саадет Гераю, в котором король предлагал хану заключить новый договор и подтвердить его обменом тор-

---

³ См. Филюшкин, «Проекты русско-крымского военного союза», с. 325. (Filjuškin, “Proekty russko-krymskogo voennogo sojuza,” p. 325).

⁴ Приведем экзотическую аналогию: в 1606 году японский правитель Цусимы, чьи коммерческие интересы пострадали из-за напряженных японо-корейских отношений, отправил в Сеул письмо, якобы составленное сёгуном, поскольку он знал, что ни сёгун, ни корейский двор не инициируют дипломатический обмен, поскольку такой шаг подразумевал бы признание превосходства другой стороны; фальсификация позволила корейскому королю отправить в следующем году «ответное посольство» (так официально названное) и дипломатические отношения были официально восстановлены; см. Тоби, *Государство и дипломатия в Японии раннего Нового времени. Азия в развитии Токугава Бакуфу*, с. 31–32 (Toby, *State and Diplomacy in Early Modern Japan. Asia in the Development of the Tokugawa Bakufu*, pp. 31–32).

жественными клятвами и грамотами: «если вы дадите клятву [хранить дружбу] с нами, вместе с вашими беями и уланами, в присутствии нашего посланника, и если вы отправите нам вашу грамоту согласия через нашего вышеупомянутого посланника, и вы [также] отправите нам вашего великого посланника, в присутствии которого мы также можем принести клятву вам, нашему брату, что мы будем вашим добрым братом и другом, в подтверждение этого мы отправим вам нашу грамоту согласия через вашего вышеупомянутого посланника»⁵.

В вышеприведенном описании не упоминается тот факт, что посланники тоже должны были принять присягу от имени своих правителей во время торжественной аудиенции при иностранном дворе. Московские послы в Крыму были специально проинструктированы о том, что они обязаны будут принять присягу только в том случае, если хан будет присутствовать лично⁶.

Процедура могла быть еще более усложнена, если грамота, выданная одним правителем и доставленная его посланником к иностранному двору, была отклонена адресатом. Например, в 1535, 1585 и 1601 годах грамоты, выданные ханами, были отклонены королевской стороной и отправлены обратно для исправлений⁷. Чтобы избежать подобных событий и вызванных вследствие этого задержек в процедурах заключения мира, королевская канцелярия старалась заранее удостовериться, что грамота хана примет желаемую форму (содержание); поэтому литовским и польским посланникам иногда предоставлялись готовые формулы запрашиваемых у ханов грамот; однако такие меры редко оказывались эффективными, поскольку крымская сторона не желала пассивно принимать содержание и формулировки предлагаемых вариантов.

Другой способ ускорить переговоры и избежать риска их срыва, практиковавшийся королевской канцелярией, заключался в предоставлении по-

---

⁵ [. . .] ты бы [. . .] перед нашим послом присягу нам учинил, [с] князьями и уланами своими[. . .], и решение своё на то нам через этого нашего посла к нам прислал, а своего посла великого к нам послал, перед которым послом твоим мы также тебе, брату нашему, присягу учинили [бы], уже имеем тебя добрым братом и приятелем быть, и решение нашего через того же твоего посла на то к тебе пришлём; см. Литовская Метрика. Книга № 15, с. 184.

([. . .] ty by [. . .] pered tym našym poslom prysjahu nam učynyl [s] knjazy y ulany svoymy [. . .], y dokončan'e svoje na to nam čerez toho našoho posla k nam pryslal, a svoeho posla velykoho k nam poslal, pered kotorym poslom tvoym my takže tobe, bratu našomu, prysjahu učynyl [by], yž maem tobe dobrym bratem y pryjatelem byty, y dokončan'e našo čerez toho ž tvoeho posla na to k tobe pošlem; see Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15), с. 184.

⁶ См. Виноградов, Русско-крымские отношения, т. 2, с. 213. (Vinogradov, Russko-krymskie otnošenija, vol. 2, p. 213).

⁷ См. примечания 233, 321 и 347 в Части I. (See notes 233, 321, and 347 in Part I).

сланникам двух альтернативных вариантов королевского документа о мире, подтвержденных подлинными печатями; первый вариант был более благоприятным для королевской стороны, а второй содержал больше уступок. Послы, располагавшие обоими вариантами, имели право представить второй лишь в случае крайней необходимости. Разумеется, посланнику было строго приказано не раскрывать, что у него есть две королевские грамоты, а невыданная грамота должна была быть немедленно уничтожена. Например, в 1598 году Никодему Коссаковскому была выдана одна королевская грамота, в которой не упоминался вопрос о казаках, и другая, также подтвержденная королевской печатью, в которой Сигизмунд III неохотно обязывался удерживать казаков от набегов на крымские земли⁸.

Из письма Сахиб Герая, адресованного Сигизмунду I в 1534 году, мы узнаем, что практика выпуска нескольких вариантов одного документа была известна и в Крыму, хотя ее обоснование было несколько иным. Хан открыто признал, что предоставил своему посланнику два мирных документа, предложив королю выбрать тот документ, который ему по душе, а другой отправить обратно в Крым⁹. Поразительную откровенность приведенного выше письма можно предположительно объяснить приоритетом хана: для него была важна своевременная доставка королевских даров, и, имея в виду этот приоритет, Сахиб Герай был готов скорректировать форму своего документа в соответствии с королевским желанием, конечно, в разумных пределах.

Пожалуй, самую продолжительную по времени процедуру в истории крымско-литовско-польских отношений можно наблюдать в 1513–1522 годах. В сентябре 1513 года, после неожиданной смерти принца Джала-леддина, почетного крымского заложника, отправленного в Вильнюс в 1512 году, Сигизмунд заверил Менгли Герая в своей дружбе, выдав два документа, один на русинском языке от имени Литвы и другой на латыни от имени Польши, и подтвердил их содержание своей присягой, данной в присутствии крымских послов. Получив королевские документы, Менгли Герай выдал «*Дарственный ярлык с şartname*» (“*Donation yatliq cum şartname*”) и подтвердил свои обязательства клятвой, данной в присутствии четырех королевских послов, пребывавших тогда при его дворе: Станислава Скиндера, Григория Громыки, Яцека Ратомского и Михайло Свинюска.

Ханская грамота вместе с присягой, текст которой был записан отдельно, в феврале 1514 года были доставлены в Вильнюс двумя крымскими посланниками: Келдышем и Августино де Гарибальди, к которым присоеди-

---

⁸ См. Скорупа, «Посольство в Крым Никодема Коссаковского» (Skorupa, “Poselstwo na Krym Nikodema Kossakowskiego”), с. 33.

⁹ См. н. 230 в Части I. Скиндер, Григорий Громыка, Яцек Ратомский и Михайло Свинюска.

нились два возвращающихся королевских посланника: Ратомский и Свынюска. Весной 1514 года Сигизмунд немедленно отправил крымских послов в сопровождении Свынюска обратно с просьбой о предоставлении срочной татарской военной помощи в борьбе против Московии. Вместо этого Менгли издал новый «дарственный ярлык с *şartname*» (“donation *yarlıq* cum *şartname*”), более близкий по формулировке и содержанию к королевской грамоте от сентября 1513 года, по-видимому, благодаря редакторской помощи Скиндера и Громыки, которые все еще пребывали при дворе хана. Документ был отправлен через новых крымских посланников, Абдуллаха улана и Абдыкъ бея, которых сопровождали Скиндер и Громыка, и в конце концов был доставлен королю. Этот второй ярлык (*yarlıq*) был привезен в Вильнюс в июле 1514 года. Уже получив два документа в том же году, в сентябре Сигизмунд попросил у Менгли еще один от имени польской короны. Королевское желание было удовлетворено, и в октябре 1514 года хан издал отдельный *şartname* относительно Польши. Документ был издан на русинском языке, но месяц спустя, в ноябре, вышел его альтернативный вариант на итальянском языке. Оба варианта, очевидно, доставил Сигизмунду в январе 1515 года Михайло Свынюска.

Подводя итог, можно сказать, что в период с сентября 1513 по январь 1515 года были изданы и обменены следующие документы:

<i>Дата</i>	<i>Издатель</i>	<i>Тип документа</i>	<i>Язык копии</i>
Сентябрь 1513 г.	Сигизмунд	Документ относительно Литвы	Русинский
Сентябрь 1513 г.	Сигизмунд	Документ относительно Польши	Латинский
Около декабря 1513 г.	Менгли Герай	Дарственный ярлык с <i>şartname</i>	Русинский
Около декабря 1513 г.	Менгли Герай	Записанная формула присяги	Русинский
Около июня 1514 г.	Менгли Герай	Дарственный ярлык с <i>şartname</i>	Русинский
Октябрь 1514 г.	Менгли Герай	<i>Şartname</i> относительно Польши	Русинский
Ноябрь 1514 г.	Менгли Герай	<i>Şartname</i> относительно Польши	Итальянский

Количество документов, изданных в 1513–1514 гг., и запутанная связь между их содержанием были связаны с тем, что Казимир Пуласки, который до этого старательно редактировал переписку между Менгли Гераем и Сигизмундом, записанную в Литовской метрике, исключил из нее ханские документы за июнь и октябрь, поскольку он ошибочно предположил, что

их тексты в основном идентичны с первым документом Менгли и, следовательно, по этой причине их не следует издавать. Пуласки был еще больше сбит с толку существованием двух современных польских переводов документов Менгли, датированных августом и сентябрем 1514 года¹⁰. Фактически, первый польский перевод следует отождествлять с *şartname* от октября, а второй – с “*donation yarliq cum şartname*” («Ярлык о дарении с *şartname*») от декабря 1513 года¹¹.

Горькой иронией было то, что Менгли Герай умер в апреле 1515 года, поэтому всю трудоемкую процедуру пришлось повторить с его сыном и наместником Мехмедом Гераем. Вступив на престол, новый хан незамедлительно оформил документ о мире и отправил в Краков, где в августе 1515 года были приняты его послы. Затем крымские послы сопровождали Сигизмунда в Вильнюс, где в марте 1516 года король выдал два документа на пергаменте, снова один на русинском языке от имени Литвы и другой на латыни от имени Польши. Летом 1516 года произошло сближение Крыма с Москвой и масштабный татарский набег на Польшу-Литву, но отношения между ханом и королем к концу года были восстановлены. Чтобы подтвердить свою искренность, Мехмед Герай пообещал отправить одного из своих младших сыновей в качестве почетного заложника в Вильнюс, но затем передумал под давлением матери мальчика. Старший сын хана Бахадыр, который должен был сопровождать своего младшего брата в Вильнюс, прибыл на назначенную встречу в Черкассах ни с чем. Желая сгладить разочарование своих литовских партнеров, он торжественно подтвердил документ своего отца от 1515 года своим собственным документом и клятвой, принятой в Черкассах в конце мая или в июне 1517 года. 1518–1519 годы стали временем очередного крымско-московского сближения и возобновления татарских набегов на Польшу-Литву, но в 1520 году хан решился на сокрушительный набег на Московию и ему снова был необходим мир с Сигизмундом. Произошел обмен новыми посольствами, и в октябре 1520 года Мехмед Герай издал два торжественных документа: «дарственный ярлык с *şartname*» на русинском языке относительно Литвы и *şartname* на хорезмийско-тюркском языке относительно Польши. Хан подтвердил документы присягой и отправил к Сигизмунду своего посланника, который также выступал в качестве заложника, – Эвлию мурзу из рода Ширин. Поскольку король выступил с походом против Тевтонского ордена, крымское посольство застало его в далекой Торуне (Торне) (Toruń (Thorn) в апреле 1521 года.

---

¹⁰ См. его комментарии в Пуласки, *Отношения между Польшей и татарами*, (Pułaski, *Stosunki Polski z Tatarszczyzną*), с. 187, н. 2 и 422.

¹¹ О личности настоящего автора см. Документ 12, н. 1 и Документ 15, н. 2.

Затем Эвлия был доставлен в Литву и содержался под стражей до сейма в Гродно, проходившего в феврале и марте 1522 года. Приняв торжественную присягу от имени хана, посланник был, наконец, освобожден в обмен на своего племянника Джан Герая, прибывшего заменить его в качестве заложника.

Таким образом, в период с 1515 по 1522 годы были изданы и обменены нижеследующие документы:

Дата	Издатель	Тип документа	Язык копии
Около июня 1515 г.	Мехмед Герай	Дарственный ярлык с <i>şartname</i>	Русинский (не сохранился)
Март 1516 г.	Сигизмунд	Документ относительно Литвы	Русинский язык
Март 1516 г.	Сигизмунд	Документ относительно Польши	Латинский (не сохранился)
Май-июнь 1517 г.	Бахадыр Герай	Копия документа 1515 г.	Русинский язык
Октябрь 1520 г.	Мехмед Герай	Дарственный ярлык с <i>şartname</i>	Русинский язык
Октябрь 1520 г.	Мехмед Герай	Договор о Польше	Тюркский Хорезмийский

Кроме того, клятва Эвлия, принесенная в Гродно в феврале или марте 1522 года, была записана и внесена в Литовскую метрику¹².

Документы Мехмеда Герая, отправленные в Польшу-Литву, недавно были изучены Феликсом Шабильдо. В своей статье украинский ученый убедительно доказывает существование первого документа 1515 года, текст которого не сохранился. Однако его дальнейшие выводы вводят в заблуждение. Автор не замечает, что запись *выполнено Короной Польской (dokončane na Koruni Pol'skuju)* от октября 1520 года, зафиксированная в Литовской метрике (опубликованной в настоящем томе в качестве приложения к документу 20), представляет собой всего лишь русинский перевод *şartname* — ханского документа, сохранившегося в хорезмийско-тюркском оригинале. Более того, если бы Шабильдо проанализировал текст и противоречивую датировку документа, сохранившегося в польском переводе Акта Томициана (*Acta Tomiciana*), он бы обнаружил, что этот перевод основывается на «дарственном ярлыке с *şartname*»¹³ (“donation *yarliq* cum *şartname*) от октября 1520 года и не может быть отнесен к 1522 году. Таким образом, хотя Шабильдо находит целых четыре документа Мехмеда Герая,

¹² Об этом документе см. п. 153 в Части I.

¹³ Об этом документе см. п. 154 в Части I.

изданных в 1520–1522 гг., но на самом деле их всего два, оба изданы в октябре 1520 года¹⁴.

Иностранным послам, прибывавшим в ханскую столицу, обычно приходилось ждать аудиенции от нескольких дней до нескольких месяцев. Хозяева часто сознательно информировали польско-литовских и московских посланников о присутствии второй стороны и устраивали аудиенции с ними почти одновременно, чтобы «смягчить» их в переговорах и вынудить сделать более высокую ставку. Хан брал на себя расходы по размещению и проживанию послов, но последние часто были возмущены предложенными условиями. В 1680 году русских послов разместили в каменном здании на реке Альма, без мебели, без дверей, с крошечными оконцами, в помещении, где пол был устлан навозом (видимо, для сохранения тепла), в тесноте, поскольку там уже ютились участники предыдущего российского посольства. В своем отчете они отмечали, что «в Московском государстве у собак и свиней условия гораздо более уютные и теплые» (*psom i svinijam w Moskovskom gosudarstwie daleko pokojnee i teplee*). Это оказало настолько сильное негативное впечатление, что в ходе последовавших переговоров они сформулировали отдельный пункт, обязывающий хана построить в Бахчисарае удобные помещения для будущих посольств¹⁵. Конечно, условия проживания не всегда были такими – оставлявшими желать лучшего. Пясечи́нский, по всей видимости, был удовлетворен своим жильем в Сюйруташ (*Süyrü Tash*) (*Sujurtasz*), черкесской деревне недалеко от Бахчисарая, где его поселили в доме, принадлежавшем некоему Джанибеку (*w domu Dżan Bekowym*), особенно когда на следующий день татары доставили волов, десять овец, хлеб, рыбу, оливки и вино¹⁶.

Длительное задержание, ограничение свободы передвижения, убогое жилье и даже сокращение продовольственных пайков имели целью «смягчить» иностранного посланника, чтобы он легче шел на уступки просьбам хозяев. Могло быть еще хуже, особенно когда посланник отказывался доставить ожидаемые дары, как хану, так и крымскому сановнику. Донесения московских посланников полны описаний разочарованных крымских чиновников и дворян, которые – с согласия хана или без него – вламывались в

---

¹⁴ Ср. Шабульдо, «Jarlyki», с. 262 и 275–281; о запутанной датировке согласно мусульманскому и христианскому календарям документа, внесенного в *Acta Tomiciana*, см. Документ 19, п. 1.

¹⁵ Тяпкин В. М. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. – Одесса, 1850. С. 578 и 621.

¹⁶ См. Пуласки, «Три посольства Пясечи́нского», с. 359. К величайшему сожалению посланника, большая часть вина была выпита татарами в пути, а оставшее превратилось в уксус.

жилище послов и силой забирали все, что считали причитающимися им дарами¹⁷. В 1629 году молодой ногайский родственник Кантемира по имени Вели-шах (Veli shah) силой ворвался в помещение московского посольства, избил обоих послов, вырвав у одного из них бороду, ударил саблей переводчика посла и ушел со множеством драгоценных мехов. Удар саблей был настолько сильным, что переводчик, судя по всему, татарин на московской службе по имени Реджеб (Redjeb, в русских источниках – *Rezep*) – вскоре умер. Хотя Джанибек Герай в последовавшей переписке с Москвой признал вину своего подданного, он не хотел ставить под угрозу свои отношения с Кантемиром, которому фактически был обязан своим трон¹⁸. Еще более унижительное событие произошло в 1546 году, когда дьяк (*подъячий* – *pod'jačij*) московского посольства был выставлен на базаре обнаженным, с зашитыми ноздрями и ушными раковинами (*nos i uši zašival i, obnaža, po bazaru vodil*) с намеком на распространенное наказание: отрезание носа и ушей¹⁹.

Частые упоминания об издевательствах над посланниками можно встретить и в переписке Ягеллонского двора с Гераями (the Jagiellonian court and the Girays). В письме Мехмеду Гераю Сигизмунд жаловался, что его послы больше не желают ехать в Крым²⁰. Вмешательства принесли некоторый эффект, по крайней мере, на бумаге, поскольку документы от 1539, 1542, 1552 и 1560 годов содержали пункт, в котором ханы обязывались уважать послов. В 1552 году Девлет Герай заявил: «когда от тебя, нашего брата, придет посол или курьер, мы не будем задерживать его дольше и не будем доставлять ему никаких забот, и мы отправим его обратно без задержки. Мы также не позволим нашим братьям и детям, султанам, [*u*] уланам, беям, мурзам (*the sultans, [and] the ulans, beys, mirzas*) и всем нашим людям причинять вред или притеснять ваших послов, курьеров, переводчиков или их слуг. Как они прибывают по своей свободной воле, так они и отбудут».

Тем не менее, любопытно, что описания невзгод, перенесенных литовскими и польскими посланниками в Крыму, несколько менее «живописны», чем описания их русских коллег.

Можно предложить несколько объяснений, хотя ни одно из них не кажется полностью удовлетворительным:

¹⁷ См. Хорошкевич, Русь и Крым, с. 255–256.

¹⁸ Новосельский, Борьба Московского государства с татарами, с. 187–188.

¹⁹ См. Юзефович, Путь посла, с. 36.

²⁰ См. королевское письмо от 10 сентября 1522 г., опубликованное в Литовской метрике. Книга № 11 (1518–1523), (*Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523)*) под редакцией А. Дубониса (Вильнюс, 1997), с. 118.

А. С польско-литовскими посланниками обращались действительно лучше, потому что:

а) в глазах крымцев авторитет их правителя был выше, чем положение московского правителя;

б) за исключением рубежа XV века, отношения Крыма с Польшей-Литвой складывались обычно лучше, нежели с Москвией;

в) польско-литовские дворяне, отправлявшиеся в качестве послов в Бахчисарай, пользовались большим уважением среди татарской знати, чем московские чиновники; следует отметить, что чрезмерные злоупотребления в отношении московских дипломатов, описанные выше, применялись не против самих послов, а против сотрудников посольства более низкого ранга: писаря и переводчика²¹.

Б. С польско-литовскими посланниками обращались одинаково плохо, но:

а) сведения отсутствуют, поскольку записи польско-литовской канцелярии менее детальны, чем московские;

б) в отличие от своих российских коллег, польско-литовские посланники предпочитали не демонстрировать напоказ свои унижения, поскольку это могло повлиять на их собственный престиж на родине.

Вероятно, во всех приведенных выше объяснениях, которые не обязательно исключают друг друга, есть доля истины. Последний вариант (пункт Б-б), подчеркивающий литературный и повествовательный характер ранних современных дипломатических отчетов, был рассмотрен автором настоящей статьи в другой работе. Если мы прочитаем отчеты польского посольства XVII века, даже те, которые не были предназначены для более широкой аудитории, они обычно представляют своих главных героев как благородных и доблестных защитников чести своего короля и священных свобод Речи Посполитой (the Commonwealth's)²². Во время своей второй миссии в

---

²¹ Аналогичным образом, одним из самых драматичных событий в истории дипломатических отношений Османской империи с Западом было удушение венецианского драгомана (*dragoman*) в 1649 году, в то время как *bailo* подвергался лишь временному заключению; ср. Колодзейчик, «Семиотика поведения в дипломатии раннего Нового времени: польские посольства в Стамбуле и Бахчисарае», *Journal of Early Modern History* 7 (2003): 245–256, особенно, с. 252. Kołodziejczyk, «Semiotics of behavior in early modern diplomacy: Polish embassies in Istanbul and Baghchasaray», *Journal of Early Modern History* 7 (2003): 245–256.

²² Ср. мою статью, цитируемую выше в сноске 657. Конечно, московские отчеты были не менее художественными; ср. Юзефович, *Путь посла*, с. 292. Однако они были адресованы другой аудитории – царю и его чиновникам, а не индивидуалистически настроенному дворянству, чьи воззрения строились на идеалах средневекового рыцарства, к чему добавлялись также республиканские труды Цицеро-

Крым в 1602 году Пясечи́нский также услышал предупреждение о том, что «послам, прибывающим с ложными поручениями, отрезают носы и уши», тем не менее, согласно его отчету, он в ответ пристыдил хана и его окружение и сослался на «закон всех народов» (*prawo wszech narodów*)²³. Вероятно, это был его любимый риторический оборот, так как уже в 1601 году, во время своей первой миссии, он упрекал Гази II Герая за то, что тот прервал его речь, ссылаясь на «закон всех народов», требовавший, чтобы посланник был выслушан²⁴. Если верить сообщению Пясечи́нского, растерянный и смущенный, хан замолчал. Но неужели мы должны верить, что ханы, как нерадивые ученики, слушали увещевания польских посланников, в то время как русских дипломатов водили обнаженными по базарам? Или, скорее, разница крылась в воображении, а не в реальности? То, что могло хорошо послужить самовосприятию московского дипломата, могло негативно отразиться на самовосприятии польского дворянина: защищать своего короля и свободу, приняв мученическую смерть с мечом в руке, – это одно, но быть ограбленным и избитым или оказаться с выдернутой бородой (в конце концов, бороды были не в моде в Польше XVII века) – это совсем другое, и лучше было бы об этом умолчать.

Можно утверждать, что чаще всего обращение с дипломатами при крымском дворе было менее унижительным, чем описано в московских отчетах, но и сопровождалось гораздо меньшими почестями, чем указано в польских. Ключевым вопросом, который часто вызывал дискуссии, была форма приветствия хана во время торжественной аудиенции. Мартин Броневский (Marcin Broniowski) отмечал, что во время аудиенции посланникам приходилось оставаться коленопреклонными (*genibus flexis*). Пясечи́нский пытался торговаться, предлагая, что в случае, если ему не придется становиться на колени, то татарским послам в Варшаве также будет позволено стоять, но его предложение было отклонено, и ему пришлось преклонить колени, хотя он с гордостью записал, что преклонил только правое колено. Русские послы, отправлявшиеся в 1680 г., склоняли головы до земли, но они заранее успешно договорились, что члены свиты хана не должны будут клонить их головы силой, как это бывало с предыдущими послами²⁵. Во

на, которые затем преподавались в иезуитских школах в Польше и Литве. Лояльный к правителю чиновник не должен был стыдиться своих страданий и даже унижений, понесенных на службе у царя. Выдергивание бороды имеет многочисленные аналогии в *житиях* (*vitae*) православных мучеников, но тот, кто пострадал за царя, таким образом, приравнивался к мученику, защищавшему Христа.

²³ Пуласки, «Три посольства Пясечи́нского», с. 758–759.

²⁴ Там же, с. 363.

²⁵ Мартин Броневский [. . .]. Описание Тартарии, с. 18; (Martini Broniovii [. . .]. Tartariae descriptio); Пуласки, «Три посольства Пясечи́нского», с. 361; (Тяп-

время первой аудиенции посол также передавал грамоты своего господина, и хан справлялся о здоровье последнего. Если польско-литовскому послу вручалась королевская мирная грамота, ее торжественное вручение обычно происходило на первой торжественной аудиенции. Во время этой аудиенции также вручались королевские подарки, что завершалось затем облачением членов посольства в почетные одежды. Два последних действия были весьма символическими и вряд ли доставляли удовольствие иностранному правителю: в то время как дары олицетворяли дань, акт возложения почетного одеяния на плечи посланника подразумевал под собой полную верховную власть хана как над посланником, так и над его господином.

Если результатом миссии должна была стать выдача торжественной грамоты хана, ее содержание обсуждалось во время пребывания иностранного посланника в Крыму. Документ должен был быть готов к прощальной аудиенции, однако вручался он не иностранному посланнику, а ханскому посланнику, которому надлежало отправиться к иностранному двору. Польско-литовские послы часто жаловались, что им не позволяли ознакомиться с окончательным документом, содержание которого они согласовывали, поскольку его можно было открыть только в королевском присутствии.

Процедура заключения мира требовала также обмена клятвами, что происходило во время прощальной аудиенции. Королевский посланник приносил клятву от имени короля, а хан свою клятву в присутствии посланника, чтобы последний мог подтвердить этот факт перед своим господином. Клятва хана обычно упоминалась, а иногда даже записывалась в его письменном документе. Текст клятвы мог быть также записан отдельно.

Выражение «пить клятву» (*pit' šert'* or *pit' rotu* / *нить шерть* или *нить роту*), встречающееся в крымско-московской переписке начала XVI века, сохранившейся на русском языке, вероятно, относится к древнему обычаю, известному у разных народов, согласно которому партнеры, обменивавшиеся клятвами братства, также пили кровь друг друга. Мы не знаем, практиковали ли когда-либо татары этот обычай, и если да, то, когда они от него отказались²⁶.

В раннее Новое время он, конечно же, при крымском дворе не практиковался, и хан просто приносил клятву на Коране. В 1637 году Инает Герай в своем письме к Владиславу IV вспоминал, что вместе со своим *калгой* он принес клятву в присутствии королевского посланника, «*возложив Коран*

кин В. М. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. — Одесса, 1850, с. 583; по вопросу о коленопреклонении ср. также Колодзейчик, «Семиотика поведения», с. 250–251.

²⁶ См. Хорошкевич, Русь и Крым, (*Xoroškevič, Rus' i Krym*), с. 206–207.

на наши головы» (*Alkoran na głowach naszych położywszy*)²⁷. Не следует думать, что хан действительно возложил Коран себе на голову; скорее, это выражение отражало его почитание слова божьего и было калькой турецкого термина *baş üstünde* (выражение, означающее безусловную готовность выполнить просьбу, приказ). Эту же кальку можно найти и в крымско-московской переписке, записанной по-русски, она обычно означала полное повиновение слову хана (*e.g., carevo, slovo na golove deržati*, «буквально, слово хана на своей голове держать»)²⁸. Мариуш Яскульский (*Mariusz Jaskólski*) описал принятие присяги Мехмедом IV Гераем, состоявшееся во время его прощальной аудиенции 22 ноября 1654 года. Первоначально хан отказался принять присягу, аргументируя это тем, что клятва уже содержится в его документе, однако после уговоров своего визиря Сефера Гази ага согласился. Поскольку он не мог найти свой личный Коран, визирь передал ему свой экземпляр, и хан принес клятву, содержание которой было записано посланником на польском языке: «Да покарает меня мой Бог, если я думаю покинуть вас; воистину, я заключаю вечную дружбу против всех ваших врагов; да поможет мне Господи Боже!»²⁹. Яскульский не привел никаких подробностей о позе и жестах хана, но мы знаем больше о процедурах принятия присяги, которые соблюдались при дворе хана во время аудиенций русских послов. Например, в 1623 году русский посланник настоял, чтобы Мехмед III Герай принес присягу на его копии Корана, привезенной русским посольством из Москвы, видимо, опасаясь, что татары могут принести какую-либо другую книгу и выдать ее за Коран. Хан был удивлен, но согласился и, произнеся слова клятвы, даже поцеловал *суру*, на которую указал посланник в раскрытой книге³⁰. В 1681 году Мурад Герай произнес слова клятвы, положив ладонь на Коран, в то время как его визирь Ахмед ага, стоял рядом с документом хана о мире. После присяги хан поцеловал Коран, как того и ожидали русские послы³¹.

²⁷ Библиотека Чарторийских, ср. 133 (Собрание Нарусевича), (Bibl. Czart., ms. 133 (Teki Naruszewicza), с. 109.

²⁸ См. Хорошкевич, *Русь и Крым*, с. 203; Юзефович, *Путь посла*, с. 25.

²⁹ Пусть покарает меня мой Бог, если я подумал вас покинуть, напротив, я заключаю вечную дружбу против всех ваших врагов. Так помоги же мне, Господи Боже! (*Bodaj mnie Bóg mój zabił, jeśli was myślę odstępować, i owszem wieczną przyjaźń przeciwko wszystkim nieprzyjaciołom waszym zawieram. Tak mi Panie Boże dopomóż!*); см. AGAD, *Libri Legationum*, № 33, л. 44a–44b.

³⁰ Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами*, с. 111.

³¹ См. Тяпкин В. М. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. – Одесса, 1850, с 638. (“Spisok s statejnago spiska [. . .] Vasil’ja Mixajlova syna Tjapkina, d’jaka Nikity Zotova,”), с. 638.

Из отчета московского посольства XVI века становится очевидным, что, по крайней мере, в тот период в ханском дворце имелась специальная книга, содержащая готовый текст присяги хана. В 1564 году Девлет Герай произнес свою клятву в присутствии московских послов, читая вслух по открытой книге, называемой «книга клятв» (*kniga šertnaja*)³².

Будучи хорошо осведомлены о децентрализованной структуре крымской политической иерархии, северные соседи ханства настаивали на том, чтобы присягу приносил не только хан, но и члены его семьи, сановники и влиятельные крымские роды. Невероятно длинный список (*defter*) тех, кто давал клятву хранить мир с Москвией в 1524 году, сохранился в русском экземпляре в московских архивах. Он состоит из более чем двухсот имен, составлявших следующие категории: мусульманские священнослужители (сейиды и муллы), принцы династии Герай, беи и мурзы из родов Ширин и Барын, члены ханского совета (*divan*), мать хана и другие видные дамы из гарема, Мангыты, шейхи и кадии, дворцовые писцы и придворные хана, члены свиты калга Узбек Герая, члены свиты принца Ислам Герая, *ulans*, Седжевуты, Аргыны, Кыпчаки, Конраты, Кияты (*the Sedjevüts, Arghins, Qırchaqs, Qongrats, Qiyats*) и другие³³.

Список крымских высокопоставленных лиц, подтвердивших клятвами *şartname* Менгли Герая, отправленное Сигизмунду в 1507 году, хоть и не такой длинный, тоже впечатляет. Помимо хана, в документе значатся имена, которые можно сгруппировать в три категории: члены династии, мусульманское духовенство и верхушка крымской знати³⁴.

Члены (представители) династии:

- Ягъмурча (младший брат хана и калга);
- Мехмед Герай (старший сын хана, будущий калга и хан);
- Ахмед Герай (второй сын хана);
- Япанча (сын Ягъмурчи);
- Махмуд Герай (третий сын хана);
- Фетх Герай (четвертый сын хана);
- Бурнаш (пятый сын хана).

---

³² [. . .] велел [. . .] принести книгу шертную [. . .] Я, царь, взяв книгу шертную и начал перед нами в книгу смотрив говорит: шертную своему брату, великому князю Ивану на том [. . .]; ([. . .] *velel [. . .] prinesti knigu šertnuju. [. . .] I car' vzjav knigu šertnuju i uçal pered nami v knigu smotriv govorit: šertnuju svoemu bratu, velikomu knjazju Ivanu na tom [. . .]; велел [...]*), см. РГАДА, ф. 123, указ. 1, н. 10, л. 313а.

³³ РГАДА, ф. 123, указ. 1, №. 6, л. 866–886; опубликовано у Малиновского в «Историческом собрании», с. 412–415; в Средней Азии, Кияты изначально были частью рода Конратов.

³⁴ Подробнее о перечисленных лицах см. Документ 9.

Мусульманские священнослужители:

- Бабака Сейид³⁵;
- Мулла Султан Али Абдулгани³⁶;
- Баба Шейх (о нем см. ниже).

Уланы и беи (Ulans and Beys):

- Мамиш улан, наместник (каймакам – *qaytaqam*) Кырк Ера³⁷;
- Сакал бей, вождь крымской ветви Киятов³⁸;
- Тевкель бей, вождь крымских Мангытов и зять хана³⁹;
- Мамиш бей, вождь Седжевутов (Седжеутов) и зять хана;
- Агиш бей, *карачи* (*qaraçis*) Ширинов;
- Девлет Бахти бей, *карачи* (*qaraçis*) Барынов и наместник Карасубазара (Qarasu Bazar)⁴⁰;
- Мердан бей, *карачи* (*qaraçis*) Аргынов;
- Махмуд бей, *карачи* (*qaraçı*) Кыпчаков⁴¹.

³⁵ Бабака или Бабике Сейид, зять Менгли Герая.

³⁶ Вероятно, это и есть тот самый «великий мулла Али», упомянутый Мехмедом Гераем в его письме Василию III от 1516 года и названный «мой великий мулла, превосходящий всех наших мулл, а также мой великий кадий».

³⁷ Мамиш улан, сын Сармак улана, играл заметную роль в дипломатических переговорах с Москвией и Литвой и возглавлял посольства в этих странах. Предположение Сыроечковского о его принадлежности к роду Кыпчак было оспорено Беатрис Форбс Манц (Beatrice Forbes Manz), которая считала его «служилым человеком», а не представителем родовой аристократии; см. статью, «Знатные роды Крымского ханства», с. 292–293. Хотя нельзя исключить, что он принадлежал к кыпчакскому роду, в рассматриваемый период должность кыпчакского *qaraçı* занимал Махмуд бей (см. ниже), политическое влияние которого, тем не менее, было гораздо слабее, чем у Мамиша улана.

³⁸ Отец Сакала (или, возможно, более дальний предок), Кият Мансур (Qiyat Mansur), был основателем ветви рода Кият, покинувшей Поволжье после 1380 года и поселившейся в Литве и в Крыму.

³⁹ Тевкель, сын Темира – мангытский (т. е. ногайский) вождь, поступивший на крымскую службу в 1503 году, после распада Большой Орды; его сестра Нур Султан была женой Менгли Герая.

⁴⁰ Девлет Бахти также играл заметную роль в международной политике Крыма и возглавлял посольства к королю Сигизмунду I в 1512–1513 гг. и к османскому султану Селиму I в 1515 г.

⁴¹ Последние два бея не указаны по именам в самом документе, но их имена можно найти в прилагаемом списке, который внесен в Литовскую метрику вместе с *şartname*; в списке также значатся имена Мехмеда Герая, Мамиша улана, Агиш бея и Девлет Бахти бея, которые уже упоминались в *şartname*; о местонахождении Мердана и Махмуда, которые в 1508 году также давали клятву хранить мир с Москвией, ср. Документ 9, № 40.

Кроме названных поименно, в церемонии принятия присяги участвовали еще много других дворян из числа татар, а также придворных. Год спустя, в 1508 году, московский посланник Константин Заболоцкий решил вознаградить каждого, дававшего клятву хранить мир с Москвой, одним соболем. Вскоре выяснилось, что соболей у него больше не осталось и двадцать недовольных татар остались ни с чем⁴².

Стоит отметить, что в 1507 и в 1524 годах мусульманские священнослужители по иерархии стояли выше глав родов. Так было и в 1508 году, о чем мы узнаем из списка крымских сановников, давших клятву хранить мир с Москвией⁴³. Главным священнослужителем в 1508 году был Хаджи Баба шейх (Hadji Baba Sheikh), мулла при ханском дворе, упоминавшийся в русских источниках как *molna* и *bogomolec*, промосковски ориентированный и известный своим участием в набегах на Литву. Один из его сыновей, Хаджи Мехмед шейх заде (Hadji Mehmed Sheikh-zade), был тогда муллой при дворе принца Мехмед Герая, а другой, Куртка, фигурирует среди священнослужителей в списке 1524 года. В списке 1507 года Баба шейху предшествовали два других имени в иерархии мусульманских священнослужителей, но три года спустя Сигизмунд попросил его выступить посредником в заключении мира, полагаясь на значительное влияние, оказываемое им на хана. В польских источниках Баба шейх тогда упоминался как *archiepiscopus imperatoris*⁴⁴. Можно предположить, что его авторитет, и без того высокий в крымском обществе, еще более возрос благодаря переписке с Сигизмундом, где мулла явно сравнивался с архиепископом Гнезненским, короновавшим короля в Польше и исполнявшим обязанности интеррекса (*interrex* / «месяц между двумя царями», «время между правлениями») в период междоцарствия. К сожалению, роль мусульманских улемов и шейхов в крымском обществе до сих пор крайне малоизучена.

В любом учебнике по истории Крыма подчеркивается политическая роль *qaraçis*, лидеров наиболее влиятельных крымских родов, которыми изначально были Ширины, Барыны, Аргыны и Кыпчаки. Именно Агиш бей, упомянутый выше, в 1508 году хвастливо разоблачил политические устремления, сквозившие в высказываниях Ширинов в письме к московскому правителю: «Разве у телеги не две оглобли? Правый вал – мой господин хан, а левый вал – я с моими братьями и детьми»⁴⁵. Тем не менее, уже в документе от 1507 года главы родов – Мангыты, Седжевуты и даже Кияты – значились в списке наравне с *qaraçis* или даже перед ними. С течением

---

⁴² Хорошкевич, *Русь и Крым*, с. 252.

⁴³ См. *Памятники дипломатических сношений*, т. 2, с. 20.

⁴⁴ См. № 116 в Части I; о Хаджи Баба шейхе, ср. Документ 9, № 11.

⁴⁵ Цитируется по Манцу (Manz), «Роды Крымского ханства», с. 282; текст, на русском можно найти в «*Памятниках дипломатических сношений*», т. 2, с. 40.

времени термин *qaraçıs* стал использоваться и по отношению к лидерам Мангытов и Седжевутов.

Девлет Герай однажды упомянул о своих «шести карачи» (*six qaraçıs*): беях Ширинов, Мангытов, Барынов, Аргынов, Седжевутов и Кыпчаков, будто хан не знал, что по тюрко-монгольской традиции число *qaraçıs* не должно превышать четырех⁴⁶. Продолжавшееся усиление влияния Мангытов и Седжевутов, параллельно с уменьшением роли Барынов и Кыпчаков, подтверждается *`ahdname* Джанибека Герая от 1632 года, в котором перечислены только четыре *qaraçıs*: Ширин, Мангыт, Аргын и Седжевут⁴⁷. Тем не менее, строгая иерархия так и не была полностью выстроена. Например, в российском дипломатическом отчете 1681 года говорится о «пяти знатных крымских родах» (*Krymsskie čestnye pjati rodov*): Ширины, Сулеш оглу, Аргыны, Мансуры (т. е. Мангыты) и Кулюки, при этом не упоминаются Седжевуты, Барыны и Кыпчаки⁴⁸.

Хотя иностранные послы обычно настаивали, что присяга должна была быть принесена не только ханом и его свитой, но и всей крымской знатью, ханы часто резко отвергали эту идею и подчеркивали свою абсолютную власть над подданными. В 1623 году Мехмед III Герай указал русскому посланнику, что, в отличие от времен его предшественника Джанибека Герая, придворные были всего лишь его рабами (рус. *xolopy*), а не друзьями, поэтому нет необходимости им приносить клятву⁴⁹. Этому же в 1654 году перед своей аудиенцией потребовал Яскульский, следуя данному ему указанию о том, что, поскольку клятву принесла вся Речь Посполитая, присягнуть должен был не только хан, но и вся крымская знать. Он услышал в ответ от ханского визиря Сефера Гази аги, что достаточно, если присягу принесет Мехмед IV Герай и его старшие советники (*aghas*), потому что крымская система правления строилась на абсолютном господстве (*absolutum dominium*) и что бы ни приказывал хан, так оно и должно было быть⁵⁰. Во время аудиенции выяснилось, что *aghas* даже не разрешили присутствовать рядом с ханом во время принесения присяги, а протесты посланника были прерваны репликой Мехмеда IV Герая: «как Бог един на земле, так и я един между двумя государствами». Визирь поспешил с про-

⁴⁶ О *qaraçıs* и их численности см. примечания 42–43 и 110 в части I.

⁴⁷ См. документ 49.

⁴⁸ Ср. прим. 583 выше.

⁴⁹ См. прим. 395 в части I.

⁵⁰ Он [...] сказал, что будет достаточно, если сам хан и мы, старшие ага, присягнем, потому что у нас это абсолютная власть. Что хан прикажет, то и должно быть; ([. . .] powiedział, że dość na tym będzie, kiedy chan sam z nami agami starszymi przysięże, bo to u nas absolutum dominium. Co chan każe, to być musi;) см. AGAD, Книги Посольств (Libri Legationum), прим. 33, л. 42а.

странным объяснением юридического различия между двумя государствами: «В вашей стране Его Королевское Величество не может ничего сделать, если это не разрешено законом, при этом, когда хан произносит слово, по его приказу мы все готовы подставить свои шеи под меч»⁵¹. Так как посол не был удовлетворен ответом, его уверили, что присяга хана была принесена и от имени всех присутствующих ага тоже. Когда он продолжал настаивать, чтобы хотя бы *карачи* Ширинский принес присягу, Яскульскому ответили, что тот не находится в Бахчисарае, но он может встретиться с ним по дороге домой в степи за Перекопом и там привести его к присяге.

Читая упомянутые выше диалоги, записанные в дневнике Яскульского, невольно полагаешь, что он, как и другие его польские коллеги, слегка приукрасил слова визиря тем, что сегодня назвали бы «ориенталистическим дискурсом», дабы поднять самооценку своей аудитории на родине. Польско-литовская шляхта очень гордилась законами Речи Посполитой, ограничивающими абсолютное доминирование (*absolutum dominium*), и этот латинский термин, вложенный в уста визиря, относился скорее к польскому внутреннему дискурсу, чем к крымскому. Также вполне возможно, что Сефер Гази, хорошо знавший политическую систему Речи Посполитой, сознательно выбрал формулировку, которая была бы понятна его собеседнику. Тем не менее, это не означает, что противостояние между тронem и дворянством в Крыму не имело места. Например, в 1681 году просьба русских о принесении присяги «членами пяти знатных крымских родов» была категорически отвергнута. Русские послы услышали, что, поскольку их царь правит самодержавно и приведение подданных к присяге унизит его

---

⁵¹ После принесения этой присяги, я потребовал, чтобы как наша Речь Посполитая поклялась, так и его ага приняли присягу. На что он ответил: «В этом нет необходимости. Как Бог един на земле, так и я один господин». После этих слов визирь сказал: «У вас одно, у нас другое. У вас король, Его Милость, не может никому без закона ничего сделать, а у нас – если хан хоть слово скажет, если хан прикажет, то тогда все мы готовы головы свои положить под меч». После этого хан сказал: «Нет нужды принимать присягу моим ага, ибо я уже дал клятву за них». (Po wykonanej tej przysiędze upominałem się, aby jako Rzeczpospolita nasza przysięgła, żeby i agowie ich przysięgli. Na co tak odpowiedział: Nie potrzebna to. Jako Bóg jeden jest na ziemi, tak i ja pan jeden. Po tych słowach wezyr: insza jest u was, a insza u nas. U was nie może nic Król Jego Miłość nikomu bez prawa czynić, na co chan niechaj jedno który bąknie, a potem wszyscy, byle chan rozkazał, szyje nasze położyć gotowiśmy, je pod miecz dać. Po tym chan rzekł: Nie trzeba agom moim przysięgać, bom ja już od nich przysięgł;) см. AGAD, (Книги Посольств) Libri Legationum, no. 33, л. 446; ср. также н. 480 в Части I.

«монаршую честь» (*gosudarskaja čest*), было бы неуместно требовать, чтобы клятва хана была подтверждена также его подданными⁵².

Интересно, что столетием ранее настойчивость в отношении самодержавных прерогатив хана была менее выраженной. Признание ограниченности власти хана подрывало его авторитет, но такое объяснение иногда было удобно для оправдания небольших татарских набегов, которые фактически находились вне контроля хана. В 1566 году Девлет Герай заявил московскому посланнику, что он может принести присягу только от своего имени, но не от имени «всей земли» (*šertovat' vsej zemlej / шертовать всей землей*, в редакции российского отчета), поскольку многие беи и мурзы вместе с калгой Мехмедом Гераем находились за границей, участвуя в венгерском походе султана Сулеймана⁵³. Крымская децентрализованная политическая система временами даже влияла на московскую канцелярскую практику. Александр Виноградов отмечает сохраняющееся важное значение Боярской думы (*boyarskaja дума*) в переписке Москвы с Крымом даже во время «анти-боярских» («*anti-boyar*») централизующих реформ Ивана IV. Российский ученый предполагает, что высокое церемониальное положение Думы лишь отражало структуру крымской дипломатии. Поскольку крымские торжественные грамоты, доставленные в Москву, были подтверждены не только от имени хана, но и крымской знати, царь постановил, что по церемониальным причинам в дипломатическом обмене должны участвовать и *бояре* (*boyars*), хотя их политическая роль была на самом деле более ограничена, чем у крымских коллег⁵⁴.

Известно, что точно так же, как османская и российская автократические модели вдохновляли крымских ханов в их усилиях по централизации, кажется столь же естественным, что польско-литовская республиканская модель вдохновляла крымскую знать, как и польско-литовская республиканская модель часто вдохновляла русских. Можно поспорить, что децентрализованная крымская система, в свою очередь, оказала какое-либо влияние на соседние государства; тем не менее, даже если у нас нет доказа-

⁵² См. Тяпкин В.М. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. – Одесса, 1850, с. 630–632.

⁵³ Виноградова, *Русско-крымские отношения*, т. 1, с. 66. Русский термин *vsja zemlja* («вся земля»), также встречающийся в современных русских летописях, убедительно отождествляется с собранием высокопоставленной татарской знати (*qurultay*); см. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, с. 191–196, и Дональд Островский, «Структуры правящего класса Казанского ханства», в: *The Turks*, т. 2, с. 841–847, особенно, с. 844 (оба упомянутых исследования касаются Казанского ханства, их выводы в равной степени относятся и к Крымскому ханству).

⁵⁴ Виноградова, *Русско-крымские отношения*, т. 1, с. 81.

тельств сознательного подражания, мы можем, по крайней мере, допустить возможность осмоса (проникновение влияния, перемещение идей, перенимание основных принципов)⁵⁵.

После последней аудиенции у хана иностранные послы обычно наносили визиты калге и нуреддину (последняя должность существовала с 1581 года). Во время этих аудиенций два принца Герая часто приносили отдельные клятвы в честь недавно установленного мира⁵⁶. Они также отправляли отдельные посольства с соответствующими письмами, подтверждая содержание ханского документа и ссылаясь на свои клятвы. Идея о том, что они могли бы издавать официальные документы мира самостоятельно, отдельно от ханского документа, поддерживалась современниками, хотя и редко воплощалась в жизнь. К XVII веку высокое положение калги и нуреддина в политической структуре ханства было закреплено их исключительным правом, наравне с ханом, пользоваться тугрой (*tuğra*), утверждаться в своей должности торжественными грамотами (*berats*), выдаваемыми османскими султанами (вероятно, за исключением нуреддина), и вести прямую переписку с русскими царями.

В 1515 году московскому посланнику в Крыму Ивану Мамонову было приказано *не* принимать никакого отдельного *şartname* от старшего сына Мехмеда Герая Бахадыра, если последний предложит составить такой документ⁵⁷. Нежелание Москвы, очевидно, было мотивировано финансовыми причинами, поскольку в обмен на свой документ Бахадыр, конечно, ожидал материальных выгод, но сама возможность такой инициативы была не ина-

---

⁵⁵ О некоторых предварительных замечаниях относительно такого осмоса между, с одной стороны, централизованными политическими системами Габсбургов и Османской империи, а с другой, децентрализованными системами Речи Посполитой и Крымского ханства, см. Kołodziejczyk, «Турция и Крым», в: *Речи Посполитая–Европа: XVI–XVIII вв. Попытка противостояния* (“Turcja i Krym,” in: *Rzeczpospolita-Europa: XVI–XVIII wiek. Próba konfrontacji*) [Исследования в честь Антони Мончак (Antoni Mączak)]. Под редакцией М. Копчиньского и В. Тыгельского (М. Korczyński and W. Tygielski) (Варшава, 1999): с. 67–76.

⁵⁶ Так было во время пребывания русского посольства 1680–1681 гг.; см. Тяпкин В.М. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. — Одесса, 1850, с. 641.

⁵⁷ [. . .] *и нечто царевиц станет давать Ивану свою опричную шертную грамоту, и Иван у царевица не будет его брать*; Памятники дипломатических отношений ([. . .] *[. . .] a nešto carevič stanet davati Ivanu svoju opričnjuju šertnuju gramotu, i Ivanu u careviča gramoty ego ne imati*; *Pamjatniki diplomatskix snošenij*), т. 2, с. 215.

че, чем игрой на публику, тем более, если принять во внимание, что в то время Бахадыр даже не был калгой. Тем не менее, он считал себя наследником престола, хотя должность калги была неохотно отдана его отцом не ему, а его дяде Ахмеду. В свете сообщений Мамонова мы можем лучше понять тот факт, что в 1517 году Бахадыр издал свой собственный документ относительно Польши-Литвы. В 1519 году, после бунта и смерти своего дяди, принц Герай получил долгожданную должность калги, официально подтвердившую его прежние стремления.

Официальный документ о мире, выданный крымским калгой и называемый «*письмом-присягой*» (*Ruth. lyst prysjažnyj*), был отправлен Сигизмунду I в 1527 году Ислам Гераем. Будучи изданным во время его кратковременного примирения с ханом Саадет Гераем, он отражал амбиции калги, считавшего, что после трагической смерти своего отца и старшего брата – Мехмеда и Бахадыра Герая – в 1523 году трон должен принадлежать ему, а не его дяде.

Столетие спустя калга Ислам Герай и даже нуреддин Кырым Герай также издали свои собственные документы, называемые *'ahdnames*, в 1637 (калга) и 1640 годах (и калга, и нуреддин), хотя у них не было противостояния с их старшим братом ханом Бахадыром Гераем. Таким образом, подобные случаи были редкостью. Как правило, калга и нуреддин подтверждали мир своими клятвами и отдельными посольствами, но их грамоты не считались *šart-* или *'ahdname*, право на выдачу которых сохранялось за ханом.

Изучение дипломатических отношений между Бахчисараем и Варшавой в середине XVII века полностью подтверждает усиление роли крымских визирей во внутренней и внешней политике ханства. В тот период за благосклонность хана боролись и попеременно занимали пост визиря два сановника: Сефер Гази ага и Субхан Гази ага. Они выступали как главные советники хана, вели переписку с иностранными монархами и канцлерами, возглавляли татарское войско в походах. Их роль была в чем-то схожа с ролью польских канцлеров и гетманов, хотя позиции последних по отношению к своему правителю были значительно сильнее.

Процедура подтверждения договора при королевском дворе была идентичной той, что проводилась при ханском дворе. В 1527 году Саадет Герай объявил, что его документ будет доставлен к королевскому двору посланником Янкура (или Янчура) (*Yankura* или *Yanchura*), а содержание должно быть прочитано в присутствии короля его собственным писцом по имени

Джанак⁵⁸. Обычно от крымских послов ожидалось подтверждение мирного договора присягой, данной от своего имени и от имени хана. Их клятва торжественно произносилась в присутствии короля и его советников. В московском Кремле для того, чтобы татарские посланники могли принимать присягу на Священном Писании соответственно своей вере (*po svoej vere*), хранился экземпляр Корана⁵⁹. Когда крымский посланник давал клятву в Москве, Коран располагался на подставке для *Корана (рале)* высотой приблизительно 0,7 м, а коленопреклоненный посланник, принимая присягу, держал указательный и средний пальцы правой руки на верхней части Корана. После этого ему надлежало поцеловать Священное Писание⁶⁰. Можно предположить, что схожая процедура имела место и в отношениях Крыма с Польшей-Литвой, поскольку хозяева обычно настаивали, чтобы татарские послы принесли присягу согласно своей вере и обычаям, поскольку только это гарантировало соблюдение присяги. Таким образом, возможно, что в королевских замках в Вильнюсе, Кракове и Варшаве также хранились копии Корана⁶¹.

Король перед крымскими посланниками клялся на Евангелии, следовательно, мы должны предположить, что копия Евангелия, и, конечно же, распятие, должны были присутствовать во время его присяги. В документе Казимира 1472 года, изданном в Кракове, упоминается присутствие королевских сановников во главе с архиепископом Гнезно, но неясно, приносили ли они также присягу. В свою очередь, в грамотах (документах) Сигиз-

---

⁵⁸ См. документ 22.

⁵⁹ [. . .] *коран татарской, на чом приводят татар к шерти; см. описание царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года*, с. 42; *ср. Кинан, «Московия и Казань», [. . .] kuran tatarskoj, na čom privodjat tatar k šerti; see Opisi Carskogo arxiva XVI veka i arxiva Posol'skogo prikaza 1614 goda*, p. 42; cf. Keenan, “Muscovy and Kazan”), с. 552–553.

⁶⁰ Юзефович, *Путь посла*, с. 290–291.

⁶¹ Сохранившаяся опись архивов Короны в Кракове, составленная в 1681–1682 годах, перечисляет только сохранившиеся документы, но не упоминает каких-либо атрибутов, служивших для официальных церемоний; см. *Опись всех и каждой из привилегий, писем, дипломов, сочинений и памятников, содержащихся в Королевских архивах в Краковском замке. (Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum, scripturarum et monumentorum quaecunque in Archivo Regni in Arce Cracoviensi continentur)*. Под редакцией Эразма Рыкачевского (Е. Rykaczewski) (Париж-Берлин-Познань, 1862 г.); беглое описание крымских документов, сохранившихся тогда в архивах (самый старый из них, изданный Менгли Гераем), см. *там же*, с. 165–167 (запись: Письма Тартарии) (entry: *Litterae Tartaricae*).

мунда 1513 и 1516 годов, изданных в Вильнюсе от имени Литвы, указывается на присутствие литовских сановников во главе с епископами Жемайтии и Вильнюса соответственно (в 1513 году епископ Вильнюса отсутствовал) и заявляется, что они принесли присягу и приложили к документу свои печати. В документе, изданном в Вильнюсе в 1513 году от имени Польской Короны, упоминаются три польских сановника, приложивших свои печати, но, как и в документе 1472 года, не указывается, принесли ли они присягу. В документе Сигизмунда 1535 года, изданном в Вильнюсе, снова упоминается присутствие литовских сановников (высокопоставленных лиц) во главе с епископом Вильнюса, но на то время они не приложили своих печатей и принятие ими присяги не упоминается.

Приведенные выше скудные доказательства могут свидетельствовать о постепенном переходе от присяги, принесенной коллективно, к присяге, приносимой королем, сначала в Польше, а затем в Литве, и о замене устных обязательств письменными документами (в документах Сигизмунда III от 1598, 1601 и 1605 годов об устном принятии королем присяги вообще не упоминается). Однако такой вывод был бы поспешным. Еще в 1654 году результатом переговоров, проходивших в Варшаве, стали клятвы, данные, с одной стороны, татарским посланником Сулейманом агой, а с другой – королем Яном Казимиром, сенаторами и чиновниками Речи Посполитой. 20 июля 1654 года крымский посланник был введен в тронную залу королевского замка, где уже ждал король, восседавший на троне под балдахинном и окруженный членами Сената и нижней палаты (церемония происходила во время сейма, проходившего в Варшаве).

Первым произносил присягу посланник, стоявший посреди палаты с поднятой рукой, «по обычаю татар», а затем король, стоя с непокрытой головой, вслух читал текст своей присяги. За королевской присягой последовала присяга примаса (т. е. архиепископа Гнезненского, the archbishop of Gniezno) и ряда других высокопоставленных лиц от имени Сената, а также маршала сейма, представлявшего нижнюю палату (т. е. шляхту). Они подчеркнули, что их клятвы будут недействительны, пока хан не подтвердит договор своей собственной клятвой, принесенной в присутствии королевского посланника. После церемонии крымский посланник поцеловал руку королю и удалился⁶². Тексты клятв, принесенных королем и сановниками, записаны и сохранились до наших дней.

⁶² См. Людвик Кубала (Ludwik Kubala), *Война Московская 1654–1655* (Варшава, 1910), с. 154–155; также цитируется у Аугусевича: «Переговоры о польско-

Увы, нам не хватает подробностей о порядке принесения присяги в Польше и Литве, чтобы сравнить с особенностями принесения присяги московскими правителями. Последние подтверждали свою клятву торжественным целованием креста, возложенного на документ мира⁶³. Примечательно, что кремлевская церемония проводилась без православных священнослужителей, которые часто осуждали ее как языческую. Неудивительно, если принять во внимание, что до XVI века московский правитель должен был сплунуть на землю, перед тем как поцеловать крест, видимо для того, чтобы прогнать демонов, повторяя, таким образом, древний ритуал, возможно, дохристианского происхождения⁶⁴. Парадоксально, но именно крымская сторона настаивала на присутствии христианских священнослужителей во время принесения присяги, видимо, полагая, что тогда царь будет более искренне соблюдать свою клятву. Например, в 1564 году Девлет Герай предупредил Ивана IV, что, если тот не поцелует крест в присутствии православного митрополита, бояр и крымского посланника (*a sam pered mitropolitom i pered bojary i pered moim goncom kresta ne poceluet*), он

татарском союзе в 1654 году», «Rokowania w sprawie przymierza polskotatarskiego w roku 1654,» с. 81–82; имена высокопоставленных лиц, приносивших присягу, см. в подтверждающей формуле Документа 61. Трудно предположить, отражен ли тот факт, что, в отличие от крымских посланников в Москве, Сулейман ага во время принесения присяги стоял, а не преклонял колени, отражены ли различия в церемониалах, меняющихся обычаях в отношениях Крыма с обоими северными соседями или необычные обстоятельства польско-крымского союза, побудившие королевский двор относиться к татарскому посланнику с особыми благосклонностями. Учитывая, что король стоял с непокрытой головой, можно предположить, что и крымский посланник был вынужден снять шапку. Согласно более позднему сообщению, крымскому посланнику пришлось обнажить голову уже у входа в королевскую комнату аудиенций; см. отчет об аудиенции Инает шах мурзы (Inayet shah Mirza) у Августа II, состоявшейся в Варшаве 7 апреля 1726 года; Библиотека Чарторыйских, рукопись № 207 (Собрание Нарусевича – *Teki Naruszewicza*), с. 173 (*вели в королевские покои, где в этой комнате шапку снимали сразу у двери, где находился Его Светлость Король с сознательным Сенатом*). (*prowadzony na pokoje królewskie, gdzie w tym po koju zdjęto mu zaraz przy drzwiach czapkę, w którym Król Jego Miłość z przytomnym Senatem znajdował się*). Тем не менее, трудно установить, соблюдался ли ранее обычай снимать головной убор, стандартный для европейского церемониала, но униженный для мусульманина.

⁶³ Обычно крест клали поверх двух документов: ханского и московского, непосредственно затрагиваясь до последнего (московского), находившегося сверху.

⁶⁴ См. Хорошкевич, *Русь и Крым*, с. 207; Юзефович, *Путь посла*, с. 282–286.

будет ответственным за возобновление противостояния⁶⁵. Царь должным образом ответил в своей грамоте, изданной два месяца спустя, что он подтвердил ее содержание, поцеловав крест в присутствии Афанасия, митрополита всея Руси, Пимена, архиепископа Великого Новгорода и Пскова (Pimin, the archbishop of Velikij Novgorod and Pskov), его бояр и ханского посланника⁶⁶.

Миротворческие процедуры вне зала аудиенций

В стандартной процедуре, описанной в предыдущем разделе, посольства ездили между соответствующими дворами, и все миротворческие процедуры происходили во дворцах двух правителей. Тем не менее, переговоры могли быть начаты и на поле боя. В раннее Новое время не только крымские ханы по-прежнему стояли во главе войска, но и польские короли. Только участие короля в очередной военной кампании гарантировало, что дворяне массовоотреагируют на объявленный сбор. В то время как зачастую короли выступали в качестве главнокомандующих лишь из чувства долга, два последних из династии Ваза – Владислав IV и Ян Казимир (Vasas – Vladislaus IV and John Casimir) – считали себя настоящими королями-воинами, а Ян Собеский взшел на престол именно благодаря своим прежним военным заслугам. Два вооруженных столкновения между Яном Казимиром и Исламом III Гераем привели к заключению Зборовского и Жванецкого (Zborów and Żwaniec) мирных договоров, переговоры по которым велись и были заключены в военных лагерях в 1649 и 1653 годах.

В отсутствие короля польской армией командовал великий гетман короны, главнокомандующий регулярными войсками, постоянно дислоцирующимися в юго-восточных губерниях, поскольку для этих губерний сохранялась постоянная опасность татарских набегов. Особое положение гетма-

⁶⁵ См. РГАДА, ф. 123, указ. 1, № 10, л. 315а.

⁶⁶ [. . .] я целовал крест на сей записи перед своим отцом и богомольцем Афанасием, митрополитом всея Руси, и перед богомольцем Великого Новгорода и Пскова архиепископом Пименом, и перед всеми своими боярами, и перед братом своим послом [. . .]; ([. . .] *celoval esmi krest na sej zapisi pered svoim otcom' i bogomol'com Afanasiem, mitropolitom vseja Rusii, i pered svoim bogomol'com, Velikogo Novgoroda i Pskova arxiepiskopom Piminom, i pered vsemi svoimi bojary, i pered brata svoego poslom [. . .]*); см. РГАДА, ф. 123, указ. 1, № 10, л. 402а–402б; опубликовано в *Памятниках дипломатических сношений ....* Под редакцией Ф. Лашкова, с. 29; о крымско-московском перемирии (pacification) 1564 г. см. Виноградов, *Русско-крымские отношения*, т. 2, с. 24–34.

нов короны в дипломатических отношениях с Бахчисараем оформилось во времена Яна ЗамоЙского, чья роль в переговорах в Цецоре (Tęgora, 1595 г.) часто упоминалась в переписке между Сигизмундом III и Гази II Гераем. Позднее гетманы получили официальное право переписываться с ханами и даже содержали резидентов при ханском дворе⁶⁷. Особенно влиятельными и компетентными в вопросах Крыма были: в первой половине XVII в. – Станислав Конецпольский (Stanisław Koniecpolski), во второй половине – будущий король Ян Собеский. О посреднической роли Конецпольского в мирных переговорах между Бахчисараем и Варшавой прямо говорится в документах Джанибека Герая от 1632 и 1634 годов. Собеский заключил и утвердил Подгаецкий договор (the Treaty of Podhajce) (1667 г.), который, однако, подлежал утверждению со стороны короля и Речи Посполитой, последнее – через ратификацию в Сейме.

Институт *roztem* (рус. «обмена»), характерный для крымско-московских отношений, был неизвестен в отношениях Крыма с Польшей-Литвой. Бахчисарай и Москва договорились, что их посланники, отправленные в иностранный двор, выедут одновременно и встретятся на границе сначала по пути в иностранный двор, а затем на обратном пути. Следовательно, безопасность и своевременное возвращение царского посольства, принятого ханом, обеспечивалось тем, что в это же время ханское посольство принималось царем, и наоборот. В XVI веке такой обмен происходил близ Путивля, затем, с конца XVI века, близ Ливнов, в XVII веке – на реке Ураева под Валуйками⁶⁸.

Во время пребывания у принимающей стороны посланников сопровождал влиятельный сановник, которому часто разрешалось начать предварительные переговоры. В Крымском ханстве эту задачу обычно выполнял

---

⁶⁷ Скорупа, *Польско-татарские отношения* (Stosunki polsko-tatarskie), с. 183. Об исследовании, полностью посвященном роли великих гетманов во внешней политике, см. Вацлав Заржитский, *Дипломатия гетманов в старой Польше* (Варшава-Познань, 1976), Waclaw Zarzycki, *Dyplomacja hetmanów w dawnej Polsce* (Warsaw-Poznań, 1976).

⁶⁸ См. Юзефович, *Путь посла*, с. 35; Бережков, *Крымские шертные грамоты*, с. 18–19; Санин, *Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века*, с. 91–93, 97, 185. Согласно Бахчисарайскому договору (1681 г.) место встречи было перенесено в Переволочную на Украине, но уже в 1683 году обе стороны согласились, что это слишком далеко на запад от обычного маршрута и решили восстановить *roztem* в Валуйках; см. РГАДА, ф. 123, указ. 2, № 67; опубликовано в *Памятниках дипломатических отношений*.... Под редакцией Ф. Лашкова, с. 195–197.

глава рода Сулеш оглу. Переговоры, инициированные на границе, иногда заканчивались оформлением предварительных документов, заверенных присутствующими чиновниками. При этом подобные документы позже утверждались обоими правителями⁶⁹.

Единственный документ в настоящем томе, который с некоторыми оговорками можно охарактеризовать как результат пограничных переговоров, – это грамота Бахадыра Герая, выданная Ольбрахту Гаштольду (Olbracht Gasztołd) в Черкассах в 1517 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dariusz Kołodziejczyk*. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. BRILL, LEIDEN/BOSTON, 2011. URL: https://shron1.chtyvo.org.ua/Kolodzeichyk_Dariiush/The_Crimean_Khanate_and_Poland-Lithuania_international_diplomacy_on_the_European_periphery_15th__en.pdf (дата обращения: 14.04.2025)

Сведения об авторе: Дариуш Колодзейчик – профессор, директор Института истории Варшавского университета; профессор Института истории Польской Академии наук (Варшава, Польша); ORCID: 0000-0002-8841-1749; darkol@uw.edu.pl

Сведения о переводчиках: Сейтхалилова Лейля Сейтхалиловна – лаборант-исследователь Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Алиева Арзы Юсуфовна – внештатный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); arzy.aliyeva.1985@mail.ru

---

⁶⁹ Для таких документов, изданных в 1682 и 1683 гг. в Переволочной (Perevolocha) и утвержденных Вели шах беєм (Veli-shah Bey) из рода Сулеш оглу, см. примечания 223–224 выше. Ссылаясь на аналогичные соглашения, достигнутые в Валуях (Valujki) в середине XVII века, Санин с горечью отмечает, что в последующих переговорах ханы редко соблюдали обязательства, взятые на себя их подданными, в то время как последние часто давали невыполнимые обещания в ожидании царских даров; *ср. То же самое, Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века, с. 97.*

**The Crimean Khanate and Poland-Lithuania.
International Diplomacy on the European Periphery
(15th–18th Century).**

**A Study of Peace Treaties Followed by Annotated
Documents. Ottoman Empire and its Heritage (4)***

Dariusz Kołodziejczyk

Abstract. In the fifth chapter from the second part of the scientific work “The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage” in the subtopic *The standard peacemaking procedure and the diplomatic ceremonial* (pp. 470–493) standard peacekeeping procedures and diplomatic ceremonials used by the Crimean Khanate are discussed. The formal aspects of the negotiations are described in this bloc, including the rituals and symbolism that accompanied the peacemaking process. After that the subtheme *Peacemaking procedures outside of the audience hall* (pp. 493–495) opens up the peacekeeping procedures conducted outside the auditorium. Informal meetings and negotiations are examined there, as well as the role of personal contacts and informal arrangements in the peacebuilding process.

Keywords: Crimean Khanate, Poland-Lithuania, peacemaking, diplomatic ceremony, informal negotiations, audience hall, rituals, symbolism

For citation: Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage (4). Trans. from English by Seytkhalilova L., Aliyeva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*=*Crimean Historical Review*. 2025, vol. 12, no. 3, pp. 167–196. DOI: 10.22378/kio.2025.3.167-196 (In Russian)

---

* Continuation. See the beginning in: Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage (1–3). Trans. from English by Seitkhalilova L., Aliyeva A. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* = *Crimean Historical Review*. 2024, vol. 11, no. 2, pp. 168–213. DOI: 10.22378/kio.2024.2.168–213 (In Russian); 2025, vol. 12, no. 1, pp. 185–207. DOI: 10.22378/kio.2025.1.185–207 (In Russian); 2025, vol. 12, no. 2, pp. 184–214. DOI: 10.22378/kio.2025.2.184–214 (In Russian)

REFERENCES

1. Dariusz Kołodziejczyk. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. The Ottoman Empire and its Heritage. BRILL, LEIDEN/BOSTON, 2011. URL: https://shron1.chtyvo.org.ua/Kolodzeichyk_Dariiush/The_Crimean_Khanate_and_Poland-Lithuania_international_diplomacy_on_the_European_periphery_15th__en.pdf (date of access: 14.04.2025)

About the author: Dariusz Kołodziejczyk – Professor, Director of the Institute of History at the University of Warsaw; Professor, Institute of History of the Polish Academy of Sciences (Warsaw, Poland); ORCID: 0000-0002-8841-1749; darkol@uw.edu.pl

About the translators: Leilya S. Seythalilova – Laboratory assistant researcher at the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Arzy Yu. Alieva – Freelance employee of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); arzy.aliyeva.1985@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 23.04.2025

Принята к публикации / Accepted 05.08.2025